

<ЛИДЕРЫ КАДЕТОВ О КЕРЕНСКОМ>

<«...Обнаружил ничтожество и бессилие олицетворяемой им власти»>

А. И. Шингарев считает общую картину, нарисованную Карташевым¹, правильной, но относительно Московского совещания не согласен в том, что страна была на высоте. Нет, там было сплошное лицемерие, никто не говорил полным голосом. Керенский был не то Гамлетом, не то впадал в психопатическую истерику Федора Иоанновича <...>. Вообще, основной тон совещания не соответствовал неприглядной действительности. Может быть, это не лицемерие, а святая ложь, попытка от самих себя отстранить выглядывавший все время из-за спины призрак революционного бунтарства? Москва оставалась холодна и равнодушна к совещанию; слова падали мертвые, тяжелые, как свинец, и не летели из зала заседания. Те же апатия и равнодушие заметны и здесь, в Санкт-Петербурге. Как проходит городская избирательная кампания? Если бы не кадетские митинги, везде был бы пустырь. Никого это не интересует. А когда приходится встретиться с улицей, что там можно наблюдать? Милюкову вчера в Новой Деревне просто не дали говорить. Ему самому, Шингареву, с трудом удалось довести митинг на Горячем Поле, в здании Биржи труда, где сошлись только к. д. и большевики, да немного любопытствовавшей публики. Отыскивая общие понятия, общие слова, оратор упомянул о родине, — и рабочий с дикой фигурой злобно закричал: «У рабочего нет родины, у него есть кулак!». При упоминании, что во Франции взаимное ожесточение привело к тому, что друг другу стали рубить головы, матрос кричал: «И вам надо рубить головы!». На митинге в цирке Чинизелли солдат провозглашал, что «надо равенство кошельков, а буржуям надо свернуть головы». Темные, озлобленные люди, отбросив недавнего вождя Церетели, идут в бунтарство. Дело идет к расстрелу, так как

слова бессильны. Мы вступаем в этот период, и в Москве не было смелости сказать это. И в перспективе уже показывается диктатор. А. В. Карташев задается вопросом, не приходится ли уже партии к. д. остаться не у дел? Этот вопрос мучит и А. И. Шингарева. Если бы даже диктатура, после кровавых расстрелов, захотела опереться на умеренные слои и обратилась к кадетам с предложением спасти отечество, в каком положении очутилась бы партия, принявши эту историческую миссию? Если бы ей и удалось спасти отечество, происхождение ее власти надолго было бы для нее политическим самоубийством.

А. В. Тыркова² заметила, что, однако, несмотря на враждебную аудиторию, А. И. Шингареву, как ей сообщали присутствовавшие на митинге, с большой выдержкой удалось довести свою речь до конца, и этот вырвавшийся из-под земли социальный демон оказался не так силен. Эти исступленные лица количественно невелики, а качественно ничтожны. А в обострении вражды к к. д., может быть, сыграло роль то, что они не дали почувствовать массам, что для них идеалы социальной справедливости так же дороги, как и блага политической свободы. Мы вписали эти идеалы в нашей программе, но не в сердце своем, и это печально. В низах живет инстинктивное, но огромное чувство справедливости, и во многих своих социальных требованиях они совершенно правы. Мы знали, что в благах политической свободы мы получили самое ценное, а они еще это должны понять. Вспышки социального бунтарства на окраинах будут не столько результатом подстрекательства дурных пастырей и разных негодяев, сколько следствием разрухи и взаимного непонимания. Получим борьбу врукопашную. Как это ни тяжело, но диктатору нам придется отдать еще больше, чем Керенскому. Другого выхода нет, — только через кровь <...>. На Московском совещании не было лицемерия, а метущееся настроение: искали спасителя в лице мальчика с гимназическим лицом и манерами, который, однако, при самом разезде, в час ночи, стал вдруг что-то выкрикивать и обнаружил ничтожество и бессилие олицетворяемой им власти... И какой авторитет может иметь вся эта комбинация — Некрасов, Керенский, Чернов? В провинции должны это сознать. Надо им сказать это до конца. Надо заставить их себя выслушать и поскорее.

